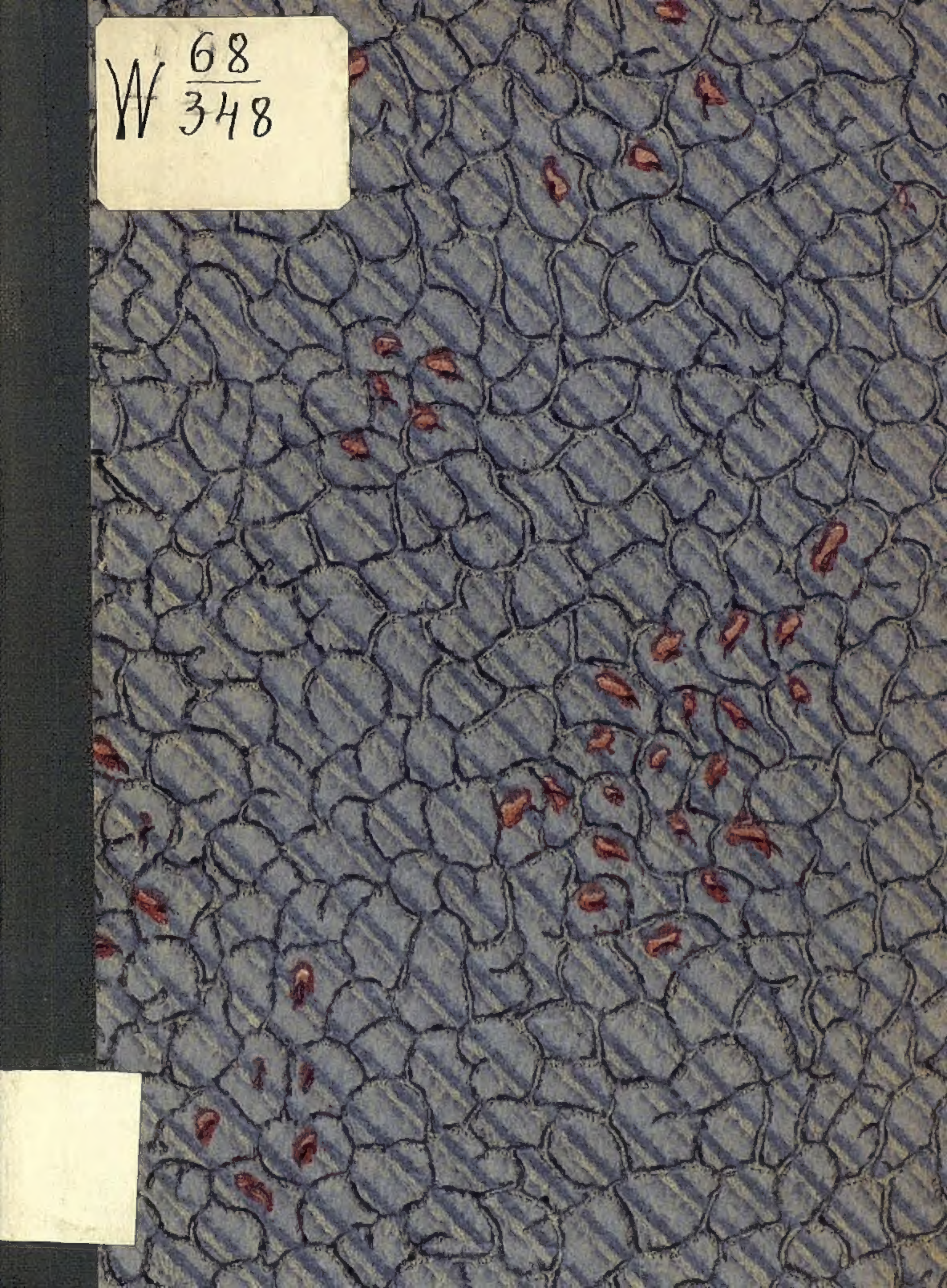
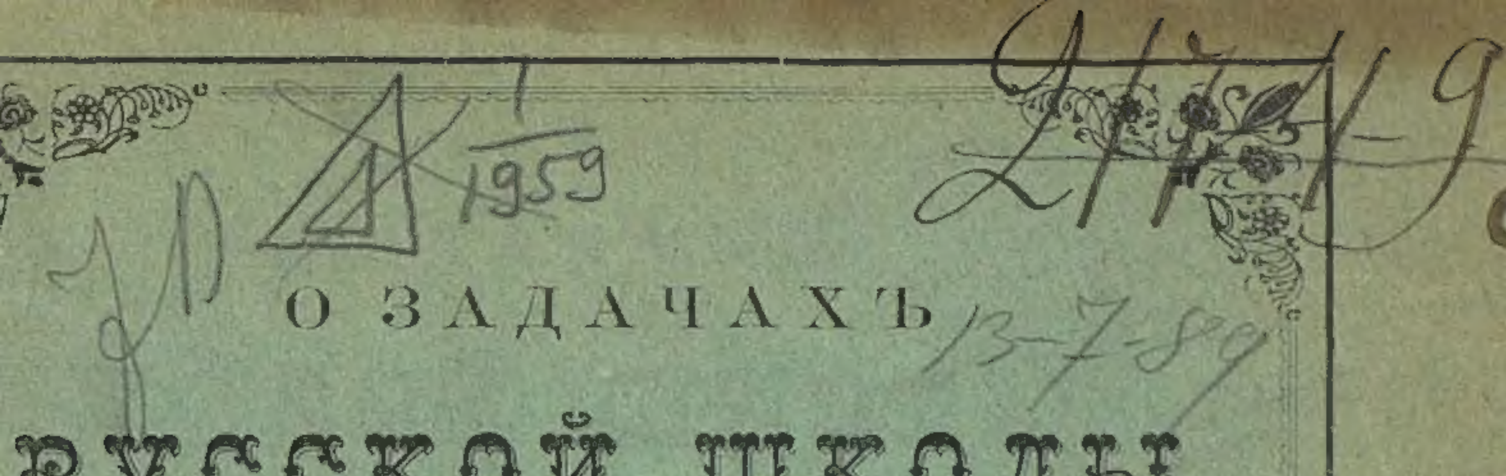

W 68/348

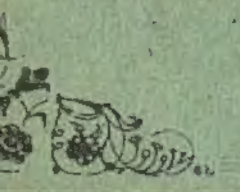

О ЗАДАЧАХЪ РУССКОЙ ШКОЛЫ.

(По поводу книги „Московскій Сборникъ" К. П. Побѣдоносцева).

Н. Н.

Отдѣльный оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ».

ВОРОНЕЖЪ.
Типографія В. И. Исаева.
1897.

О ЗАДАЧАХЪ РУССКОЙ ШКОЛЫ.

(По поводу книги „Московскій Сборникъ“ П. К. Побѣдоносцева).

Н. Н.

Отдѣльный оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ».

ВОРОНЕЖЪ
Типографія В. И. Исаева.
1897.

Дозволено Цензурой. Москва, 23 Октября 1896 г.

О ЗАДАЧАХЪ РУССКОЙ ШКОЛЫ.

(По поводу книги «Московскій Сборникъ» К. П. Побѣдоносцева).

I.

За послѣдніе 10—15 лѣтъ въ жизни общеобразовательной средней русской школы замѣчается крупная перемѣна: прошло то опьяненіе идеями шестидесятыхъ годовъ, *которое* тогда *охватило* русскую «интеллигенцію». Въ 70-хъ и 80 хъ годахъ тяжело было дышать школѣ тѣмъ зараженнымъ воздухомъ, которымъ пропиталось молодое поколѣніе. Исторія уже начинаетъ характеризовать жизнь нашего отечества того времени: она указываетъ и заноситъ на свои страницы неудовлетворительное состояніе бо́льшей части учебныхъ заведеній, высшихъ и среднихъ, «гдѣ развивался особый духъ непокорства и своеволія учащихся, увлекавшихся ученіемъ безвѣрія и матеріализма, съ одной стороны, самаго крайняго соціализма—съ другой, открыто проповѣдуемыхъ въ журналахъ, такъ называемаго «передоваго направленія» [1]).

Безпощадный и глубоко вѣрный анализъ болѣзней нашей школы ясно представленъ въ недавно вышедшей книгѣ «Московскій Сборникъ» К. П. Побѣдоносцева. *Кромѣ вѣрной картины недуговъ нашего общества, эта книга указываетъ тѣ средства*, которыя примѣнялись въ послѣдніе годы и которыя несомнѣнно содѣйствовали оздоровленію нашей школы. Въ виду этого, многія страницы въ «Московскомъ Сборникѣ», гдѣ мимоходомъ затрогиваются вопросы о воспитаніи юношества, могутъ навести педагога на серьезныя и полезныя размышленія. Эти вопросы въ помянутой книгѣ освѣщаются даль-

---

[1]) «Русскій біографическій Словарь» т. I. Статья Татищева «Біографія Александра II».

новиднымъ государственнымъ человѣкомъ съ русской точки зрѣнія; здѣсь средства для воспитанія указаны совсѣмъ не новыя: зато чувствуется увѣренность въ прочность того фундамента, на которомъ происходило оздоровленіе школы за послѣднія 10—15 лѣтъ

II.

Вліяніе К. П. Побѣдоносцева, какъ государственнаго человѣка, особенно замѣтно отразилось на характерѣ воспитанія учащихся въ нашей средней общеобразовательной школѣ. Въ обществѣ и въ средѣ администраторовъ лѣтъ 15 назадъ сдѣлалось извѣстнымъ, что К. П. Побѣдоносцевъ—строгій ревнитель православной вѣры, что онъ дорожитъ народными обычаями, обрядами, преданіями, видя во всемъ этомъ средство къ поднятію религіознаго настроенія въ нашемъ обществѣ и развитію любви къ народнымъ началамъ. Къ сожалѣнію, не всѣми администраторами одинаково правильно понимались взгляды Константина Петровича, и только теперь, съ выходомъ въ свѣтъ «Московскаго Сборника», можно вѣрнѣе опредѣлить и достойнѣе оцѣнить глубину его религіозныхъ воззрѣній. Немногіе понимали это лѣтъ 10—15 назадъ: въ обществѣ тогда слышались жалобы, что въ нашихъ школахъ сѣютъ не сѣмена истинной религіи, а заботятся лишь объ укрѣпленіи въ учащихся любви къ обрядамъ и упражняютъ ихъ въ дѣлѣ внѣшняго богопочитанія. И жалобы эти имѣли свое основаніе, такъ какъ въ средѣ администраторовъ, особенно по учебному вѣдомству, появился особый типъ чиновныхъ людей—«лицемѣровъ». Нѣкоторые органы печати придумали для такихъ лицъ особый терминъ, относя ихъ «къ цеху православныхъ особаго рода». Люди этого типа, зная, что правительство заботится объ укрѣпленіи въ учащихся религіозныхъ началъ и что заботы объ этомъ могутъ возвысить администратора по службѣ, стали проявлять въ своихъ дѣйствіяхъ нѣкоторую нетерпимость къ убѣжденіямъ другихъ, наружное благо-

честіе, выражающееся въ воздыханіяхъ и разныхъ видахъ набожности. Встрѣчались и такіе изъ администраторовъ, особенно въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, которые, лицемѣрно и напоказъ, искусственно поощряли учениковъ къ изученію церковнаго богослуженія во всѣхъ его видахъ; во время всенощной и обѣдни наряду съ учащимися читали и пѣли на клиросѣ, на глазахъ всѣхъ сами ставили свѣчи предъ иконами, подавали просфоры и т. п., чего прежде никогда не дѣлали. На эту фальшь въ школѣ обратили вниманіе какъ общество, такъ педагогическая литература. Такъ, даже въ текущемъ году въ одномъ изъ журналовъ, предназначенныхъ для учителей, указывается на развитіе въ школѣ этого направленія—«церковности». «Слово («церковность»), замѣчено въ журналѣ, стало употребляться не болѣе какъ 15 или 20 лѣтъ тому назадъ» [2]) Какъ птицы съ наступленіемъ весны мѣняютъ свое опереніе, такъ въ нашей общественной жизни администраторы, приспособляясь къ настроенію высшихъ правительственныхъ сферъ, вдругъ сдѣлались людьми «церковными», изъ «передовыхъ людей»—«отсталыми», «елейными»....

Вотъ какъ понимаетъ «церковность» авторъ «Московскаго Сборника»: будучи искренно религіознымъ человѣкомъ, онъ разсуждаетъ о значеніи обрядовъ въ нашей церкви съ воодушевленіемъ и любовію къ нимъ; онъ, какъ человѣкъ глубоко православный, по своей художнической натурѣ понимаетъ все важное значеніе ихъ въ дѣлѣ воспитанія. По его мнѣнію, «образъ не есть дѣло второстепенное и неважное».

«Есть обряды и обычаи, отъ которыхъ отказаться «значило бы отречься отъ самаго себя, потому что въ «нихъ отражается жизнь духовная человѣка или всего «народа, въ нихъ сказывается цѣлая душа. Въ разно- «сти обряда выражается всего явственнѣе коренная и

[2]) «Русскій Начальный Учитель», мартъ, 1896 года. Статья: «Церковность, какъ предметъ христіанскаго воспитанія».

«глубокая разность духовнаго представленія, таящаяся «въ безсознательныхъ сферахъ духовной жизни, та са«мая разность, которая препятствуетъ сліянію или пол«нотѣ взаимнаго сочувствія между разноплеменными «народами и составляетъ основную причину разности «церквей и вѣроисповѣданій» (стр. 217).

По словамъ автора «Московскаго Сборника», школа должна врости самыми корнями своими въ народъ, соотвѣтствовать его потребностямъ; въ силу этого Церковь, хранящая сознаніе своего достоинства, никогда не откажется отъ своего законнаго вліянія въ вопросахъ, относящихся до семьи и школы.

При образованіи характера, какъ извѣстно, первое мѣсто занимаетъ забота о воспитаніи вѣры въ сердцахъ учащихся. Если ученикъ съ дѣтства научится вѣровать, т. е. страстно желать и чувствовать идеалъ истины и добра, то его воля постепенно будетъ достигать высокаго напряженія; вѣра въ душѣ такого человѣка современемъ способна будетъ горами двигать, т. е. побѣждать всѣ препятствія въ достиженіи дорогой и ясной цѣли. Недостатокъ людей съ твердымъ характеромъ и твердой волей многими изъ современныхъ мыслителей справедливо объясняется ослабленіемъ религіозныхъ вѣрованій въ нашемъ обществѣ. Развитіе и укрѣпленіе этой вѣры авторъ «Московскаго Сборника» возлагаетъ на родителей:

«Отецъ сталъ равнодушенъ къ религіозному созна«нію и направленію въ семейной средѣ своей. У него «нѣтъ отвѣта, когда жена обращается къ нему съ сво«ими сомнѣніями, когда ребенокъ въ дѣтской простотѣ «спрашиваетъ: что такое Богъ? И отъ чего ты ему не «молишься? И что такое смерть, которая ко всѣмъ при«ходитъ и дѣтей уноситъ? Когда отцу отвѣтить нечего «на эти вопросы, ка̀къ отвѣчаетъ на нихъ самъ ребе«нокъ въ умѣ своемъ? И если у отца найдется отвѣтъ, «въ немъ слышится ребенку какая-то сказка,—а не «слышится живой голосъ вѣры, той вѣры, за которую «умереть человѣкъ готовъ. И вотъ изъ ребенка выхо-

«дитъ такой же скептикъ, какимъ былъ отецъ, или суе-
«вѣръ, на подобіе матери или ея духовника патера».
(Стр. 11). Счастливъ, кто полюбитъ съ дѣтства бого-
«служеніе стройное, истовое, кто нашелъ въ немъ
«красоту и стремится къ ней и жить безъ нея не мо-
«жетъ, кому все въ словахъ, звукахъ нашихъ церков-
«ныхъ молитвъ понятно, все родное, все возвышаетъ
«душу изъ пыли и грязи житейской... Счастливъ, кого
«съ дѣтства добрые и благочестивые родители пріучили
«къ храму Божію и ставили въ немъ посреди народа
«молиться всенародною молитвою, праздновать всена-
«родному празднику» (стр. 223).

На многихъ страницахъ «Московскаго Сборника» авторъ, являясь ревностнымъ защитникомъ вѣрованій нашего народа, выясняетъ значеніе церковнаго обряда, называетъ его «одеждой, формой», въ которой люди въ разныя времена воплощали для себя религіозное начало, выражали «идею Божественнаго въ мірѣ, облекая ее въ живое и дѣйственное тѣло». (Стр. 268). Онъ не удивляется тому презрѣнію, съ которымъ строгій лютеранинъ смотритъ на непонятныя для него, но для насъ исполненныя глубокаго духовнаго значенія принадлежности нашей Церкви и свойства нашего вѣрованія. Авторъ «Московскаго Сборника» считаетъ смѣшнымъ обвиненіе православія въ фанатизмѣ, что нерѣдко высказываютъ о нашей вѣрѣ лютеране.

«Впадая въ лицемѣріе и фарисейскую гордость,
«протестанты и не замѣчаютъ, какъ они, стремясь къ
«очищенію вѣрованій, увѣровали въ собственную прав-
«ду и увлеклись до гордаго поклоненія ей и до презрѣ-
«нія къ чужому вѣрованію, которое отожествляется съ
«неправдою. Протестантство само высказываетъ склон-
«ность къ лицемѣрію и фанатизму гордаго разума и
«самоувѣренной праведности предъ всѣми прочими ви-
«дами вѣрованія» (206—207). И наши народные ре-
«форматоры изъ-за обрядовъ и формъ забываютъ о сущ-
«ности учрежденія и готовы разбить его совсѣмъ, ни-
«чего въ немъ не видя, кромѣ грубости и обряднаго

«суевѣрія. Они забываютъ о милліонахъ, которымъ по «духовному ихъ развитію доступна обрядность. Разбей«те ее, въ виду народа,—и народъ, только ее знаю«щій, утратитъ съ обрядностью цѣлое учрежденіе, утра«титъ, можетъ быть, навсегда, возможность уловить сно«ва заложенную въ немъ предками идею и облечь ее «въ новую форму».

По мнѣнію автора «Московскаго Сборника» нужно сначала просвѣтить духъ народный, углубить въ немъ идею, очистить и обогатить нравственный и умственный бытъ его, тогда и идея будетъ спасена, и насилія народной жизни не будетъ, и грубая форма сама собой перельется въ новую.

Только русскій человѣкъ можетъ по достоинству оцѣнить тѣ лирическія мѣста въ «Московскомъ Сборникѣ», гдѣ рѣчь идетъ о нашей Церкви и ея обрядахъ:

«Кто русскій человѣкъ—душой и обычаемъ,—тотъ «понимаетъ, что значитъ храмъ Божій, что значитъ «Церковь для русскаго человѣка. Мало быть благоче«стивымъ... Надо жить народною жизнію, надо молить«ся заодно съ народомъ, въ одномъ церковномъ собра«ніи, чувствовать съ народомъ біеніе сердца, проникну«таго единымъ торжествомъ, единымъ словомъ и пѣ«ніемъ... (220). Душа наша тоскуетъ здѣсь (въ ино«вѣрномъ храмѣ) по своей церкви, какъ тоскуетъ между «чужими по родинѣ. То-ли дѣло у насъ: вотъ красота «неописанная, красота, понятная русскому человѣку, «красота, за которую онъ душу готовъ положить,—такъ «онъ ее любитъ. Русское церковное пѣніе—какъ народ«ная пѣснь, льется широкою, вольною струею изъ на«родной груди, и чѣмъ оно вольнѣе, тѣмъ полнѣе го«воритъ сердцу... Кто хочетъ послушать, какъ эта рус«ская душа сказывается, тому надобно идти не туда, «гдѣ орудуютъ голосами знаменитые хоры и капеллы, «гдѣ исполняется музыка новыхъ композиторовъ... Ему «надо слушать пѣніе въ благоустроенномъ монастырѣ, «или въ одной изъ тѣхъ приходскихъ церквей, гдѣ сло«жилось добрымъ порядкомъ хоровое пѣніе; тамъ услы-

«шитъ онъ, какимъ широкимъ, вольнымъ потокомъ вы-
«ливается праздничный ирмосъ изъ русской груди, ка-
«кою торжественной поэмой выпѣвается догматикъ, сла-
«гается стихира съ канонархомъ, какимъ одушевленіемъ
«радости проникнутъ канонъ пасхи или Рождества Хри-
стова» (221—222).

Авторъ «Московскаго Сборника» дорожитъ бытовыми формами и обрядами нашей Церкви: онъ видитъ въ нихъ проявленіе народнаго духа, русской души. Прекрасной иллюстраціей нѣкоторыхъ отвлеченныхъ положеній, высказанныхъ въ «Московскомъ Сборникѣ» о значеніи обрядовъ для нашего народа, посредствомъ коихъ онъ усвояетъ «идею Божественнаго въ мірѣ», служитъ, по нашему мнѣнію, поэтическое произведеніе такого писателя, какъ графъ Л. Н. Толстой, хотя его справедливо считаютъ врагомъ нашей православной вѣры. Вспомнимъ его повѣсть «Хозяинъ и Работникъ». Каждый непредубѣжденный читатель здѣсь видитъ въ лицѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ — Василія Андреевича и Никиты—русскихъ людей, правда, темныхъ и невѣжественныхъ, но жившихъ въ духовномъ общеніи съ православною Церковію, которая была для нихъ единственной учительницей и руководительницей въ жизни. Даже такіе грубые люди, какъ Василій Андреевичъ и Никита, умѣли молиться, и эта молитва смягчила ихъ сердце, помогла Василію Андреевичу совершить подвигъ — спасти Никиту. Страхъ Божій, посѣянный въ душѣ Василія Андреевича тою же Церковію не давалъ этимъ людямъ превратиться въ звѣрей. Только выросшій подъ сѣнію Церкви работникъ Никита могъ умирать спокойно, какъ обыкновенно умираютъ всѣ вѣрующіе русскіе люди, со словами на устахъ: «Твоя святая воля!» и съ надеждою, что тамъ лучше будетъ, что тамъ нѣтъ ни болѣзней, ни печали, и что Тотъ, Кто зоветъ туда, не обидитъ, и утѣшитъ всѣхъ скорбящихъ. Конечно, и въ другихъ произведеніяхъ русской словесности можно найти подобные же характеры: такіе люди, воспитавшись на вѣковыхъ преданіяхъ нашей Церкви,

проявляли въ себѣ силу и твердость къ перенесенію тяжкихъ испытаній въ жизни. Наша Церковь, которая, по словамъ автора «Московскаго Сборника», «искони имѣла и донынѣ сохраняетъ значеніе всенародной Церкви и духъ любви и безразличнаго общенія» (стр. 213), помогла нашему народу образовать великое государство и создать въ немъ все то, чѣмъ гордится наша исторія.

Вообще, въ тѣхъ мѣстахъ «Московскаго Сборника», гдѣ трактуется о нашей Церкви, ея пѣснопѣніи и обрядахъ, въ авторѣ слышится та любовь къ русскому народу, о которой свидѣтельствуетъ передъ цѣлымъ свѣтомъ его литературный противникъ [3]) въ сужденіяхъ о вопросахъ религіозныхъ: «Въ разговорѣ Вы (обращается онъ къ Константину Петровичу Побѣдоносцеву) выразили въ теплыхъ сердечныхъ словахъ любовь Вашу къ Россіи и къ русскому народу, Вы высказали Вашу рѣшимость всѣми силами стремиться къ возможному слiянію съ народною душою, дабы быть единымъ съ нимъ въ Вашихъ привязанностяхъ, надеждахъ, стремленіяхъ».

III.

Національное воспитаніе, какъ оно понимается авторомъ «Московскаго Сборника», состоитъ въ ежедневномъ упражненіи высшихъ ощущеній духа въ борьбѣ съ низшими ощущеніями. «Способъ къ этому «одинъ: содержать людей въ строгомъ подчиненіи по«рядку общественной жизни, чтобы всякое его наруше«ніе неизбѣжно отзывалось зломъ, а соблюденіе его— «благомъ для всякаго человѣка. Въ этомъ, и только «въ этомъ одномъ, состоитъ національное вос-

[3]) Открытое посланіе Оберъ-Прокурору Правительствующаго Синода, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику К. П. Побѣдоносцеву отъ Г. Дальтона. Лейпцигъ, стр. 77.

питаніе». (стр. 85—86). Такой, простой и скромный идеалъ національнаго воспитанія, выраженный въ «Московскомъ Сборникѣ», образовался, очевидно, лишь подъ вліяніемъ временныхъ обстоятельствъ состоянія русскаго общества въ послѣднія два десятилѣтія. Извѣстно, что публицисты изображаютъ наше общество того времени въ самомъ безотрадномъ видѣ. Вотъ напр. что говоритъ одинъ изъ нихъ (И. С. Аксаковъ) въ 1861 г. въ статьѣ «Отношеніе между школой и жизнью въ Россіи» (Полн. Собран. Сочин. т. II. стр. 187—196): «Крѣпость была расшатана легкомысленнымъ *своеволіемъ*: нравственныя правила замѣнены вкусами; страсти вознесены и поставлены выше нравственнаго долга; обычаи всего народа въ презрѣніи; разумъ народный не уважается и долженъ уступить мѣсто личному своеволію».

Конечно, всякая школа, какъ говоритъ авторъ «Московскаго Сборника», обязана заботиться о содержаніи людей въ строгомъ подчиненіи порядку общественной жизни. По нашему мнѣнію, одной этой заботы слишкомъ мало для школы въ дѣлѣ національнаго воспитанія. На послѣдующихъ страницахъ «Московскаго Сборника» (гл. III «О воспитаніи») изъ Карлейля приведено слѣдующее мѣсто: «для всѣхъ и одно правило—пріучать молодыя души, чтобы умѣли приказывать и умѣли повиноваться. Мудрость приказанія, мудрость послушанія, способность къ тому и другому — вотъ истинная, вѣрная мѣра культуры и доблести человѣческой—для каждаго кто бы онъ ни былъ». Такимъ образомъ, «мудрость приказанія и мудрость послушанія»— вотъ къ развитію какихъ свойствъ въ народѣ обязана стремиться школа.

Подъ національнымъ воспитаніемъ у насъ принято понимать совокупность пріемовъ сообразно со строемъ нашей жизни и ея исторіей, съ характеромъ народа, съ природой страны. Эти особенности въ настроеніи духа и въ направленіи воли народа составляютъ, между прочимъ, его національныя черты.

отличающія его отъ другихъ народовъ; о развитіи ихъ обязана заботиться школа. Вотъ почему англійское, французское и нѣмецкое воспитаніе разнятся между собой. Какъ Гегель, такъ равно и другіе нѣмецкіе мыслители утверждаютъ, что разнообразіе народовъ есть глубокій фактъ, коренящійся въ самой природѣ человѣчества, что особенности каждаго народа составляютъ нѣчто органическое, имѣющее опредѣленные законы для своего развитія. Чтò же должно составлять особенность въ дѣлѣ русскаго воспитанія примѣнительно къ историческимъ условіямъ и характеру нашего народа? Къ высказанному въ «Московскомъ Сборникѣ» положенію «о содержаніи людей въ строгомъ подчиненіи порядку общественной жизни» на иныхъ страницахъ можно найти дополненія, расширяющія задачи школы относительно національнаго воспитанія.

Во взглядахъ автора «Московскаго Сборника» на обученіе и воспитаніе отражается представленіе нѣмецкихъ философовъ (Гегеля, Шеллинга и др.), что исторія есть постепенное обнаруженіе всемірнаго духа и что западная наука развила только одну сторону этого духа—разсудочную, логическую. Россія призвана къ гармоническому развитію всѣхъ сторонъ духовной жизни и прежде всего къ развитію чувства, чему особенно способствуетъ православная Церковь съ ея дивнымъ богослуженіемъ. Нѣкоторые изъ прежнихъ нѣмецкихъ философовъ, требуя раскрытія новыхъ знаній при свѣтѣ всего предшествующаго обнаруженія человѣческаго духа, обязывали сохранять самыя основы этихъ знаній. Авторъ «Московскаго Сборника», крѣпко вѣря въ мощь и силы русскаго народа и надѣясь на славное его будущее, высказываетъ желаніе, чтобы исторія нашего народа шла самостоятельнымъ путемъ. «Исторіи своей никому нельзя ни перемѣнить, не обойти; и сама исторія, со всѣми ея явленіями, дѣятелями, сложившимися формами общественнаго быта, есть произведеніе духа народнаго» (стр. 212—213).

Русское народное самосознаніе нынѣ достигло той

степени своего развитія, когда нельзя ограничиваться, при воспитаніи юношества, упражненіемъ его въ повиновеніи и терпѣливой покорности волѣ Божіей, хотя въ этомъ духѣ и воспитывало насъ наше прошлое. Задачи школы расширились. Теперь больше, чѣмъ прежде, слѣдуетъ раскрывать учащимся самобытныя черты въ характерѣ русскаго народа, уяснять значеніе нашего умственнаго и художественнаго движенія съ указаніемъ причинъ этого. Словомъ, школа должна пріучать учащихся благоговѣйно проникаться глубочайшими стремленіями народнаго духа, выраженными въ его жизни, въ искусствѣ, въ исторіи. Вотъ въ чемъ сущность національнаго воспитанія, по нашему мнѣнію.

По словамъ автора «Московскаго Сборника», въ дѣлѣ національнаго воспитанія нужно уразумѣть народный духъ и пріобщиться къ нему. Средствами въ этомъ важномъ дѣлѣ должны служить естественность и простота. Какъ хозяйка, вѣроятно, плохо приготовитъ блюдо, если она начнетъ готовить его съ поваренною книгою въ рукахъ у плиты, такъ ученый едва ли сумѣетъ воспитать своего сына, отъискивая для каждаго случая въ педагогикѣ или дидактикѣ отвѣтъ на затруднительный случай при воспитаніи. Если у воспитателя нѣтъ разумной любви, которая вѣрнѣе подскажетъ, какъ нужно поступать при обученіи или воспитаніи, то улучшенія въ знаніяхъ и въ характерѣ воспитанника трудно ожидать. Такимъ образомъ, какъ религіозное сознаніе народа успокаивается только на простомъ и цѣльномъ представленіи, объемлющемъ душу, и отвращается отъ искусственно составленныхъ понятій, такъ въ дѣлѣ обученія и воспитанія цѣннѣе всего простота и естественность. Къ этому убѣжденію, какъ извѣстно, приходили многіе изъ педагоговъ-теоретиковъ и практиковъ. Припомнимъ изъ записной книжки Канта слѣдующую замѣтку о собственной педагогической его дѣятельности: «Никогда не прилагалось къ обученію лучшихъ правилъ, чѣмъ какія прилагалъ я, но никогда не было

худшей и менѣе успѣшной въ этомъ обученіи практики, чѣмъ моя».

Хотя простота, естественность, а главное — любовь къ дѣлу должны составлять основу при обученіи и воспитаніи, однако едва ли можно только этимъ ограничиваться. Въ послѣднія десятилѣтія выработано много новыхъ пріемовъ, значительно облегчающихъ сложное и трудное дѣло преподаванія и обученія напр. грамотѣ, ариѳметикѣ; и т. п. и все это достигнуто столько же любовію педагоговъ къ «малымъ симъ», сколько ихъ опытомъ и знакомствомъ съ дидактическими методами у другихъ народовъ.

IV.

Нашъ вѣкъ кичится передъ прежними вѣками высокимъ развитіемъ культуры и наукъ. Однако жъ, замѣчательные успѣхи знанія, по общему мнѣнію, не соотвѣтствуютъ нравственному развитію общества. Изъ нашихъ писателей съ особенною настойчивостью указываетъ на это гр. Л. Н. Толстой, который, являясь злѣйшимъ врагомъ наукъ и вообще современной культуры, смѣется надъ «плодами просвѣщенія». Между тѣмъ, и на Западѣ и у насъ, въ Россіи, считается непреложною та истина, что исторія каждаго народа управляется ходомъ человѣческихъ знаній, и что всякое улучшеніе въ нравственной жизни можетъ быть достигнуто только распространеніемъ знаній, увеличеніемъ числа школъ и развитіемъ ума.

Не соглашаясь съ защитниками и проповѣдниками такихъ взглядовъ, авторъ «Московскаго Сборника» говоритъ:

«Для благосостоянія общественнаго характеръ «несравненно важнѣе многаго знанія».... (Стр. 85).

Въ силу этой наиважнѣйшей цѣли, которую должна имѣть школа, авторъ «Московскаго Сборника» не при

даетъ особой цѣны патентамъ окончанія курсовъ высшаго образованія, патентамъ, пріобрѣтаемымъ посредствомъ экзаменовъ.

«Не только способность и умѣнье, но и самое «образованіе человѣка не зависитъ отъ выполненія учеб-«ныхъ программъ по множеству предметовъ, входящихъ «въ составъ учебнаго курса. Безчисленные примѣры «лучшихъ учениковъ—ни на какое дѣло негодныхъ,—и «худшихъ, оказавшихся замѣчательными дѣятелями—«доказываютъ противное. Весьма часто случается, что «способность людей открывается лишь съ той минуты, «когда они прикоснулись къ живой реальности дѣла: до «тѣхъ поръ наука, въ видѣ уроковъ и лекцій, оставля-«ла ихъ равнодушными, потому что они не чуяли въ «ней реальнаго интереса: такова была исторія развитія «многихъ великихъ и общественныхъ дѣятелей» (стр. 255).

Конечно, знаніе не есть образованіе, но и образованіе безъ знанія не можетъ считаться полнымъ. Нельзя отнять у истиннаго образованія свойствъ уяснять добрыя чувства и законы совѣсти; оно озаряетъ ихъ пониманіемъ, присоединяетъ голосъ разума къ голосу совѣсти и тѣмъ самымъ усиливаетъ, укрѣпляетъ этотъ голосъ. «Образованный человѣкъ», по словамъ одного изъ извѣстныхъ русскихъ юристовъ, «есть только человѣкъ вооруженный; но къ добру или злу направится его вооруженіе—это въ самомъ образованіи не содержится».

Когда въ педагогической литературѣ поднимается вопросъ о вліяніи школы на образованіе характера учащихся, то онъ обыкновенно разрѣшается въ томъ смыслѣ, что правильно организованная школа естественно, безъ особыхъ усилій, воспитываетъ въ своихъ ученикахъ чувство долга, уваженія къ порядку и вообще подготовляетъ юношу къ жизни; здѣсь каждый ученикъ видитъ и испытываетъ, какъ «подчиненіе дисциплинѣ сопровождается для него благомъ, и нарушеніе неизбѣжно отзывается зломъ». Доброе вліяніе школы, со

всѣмъ ея строемъ и съ живымъ примѣромъ учащихъ, неотразимо запечатлѣвается въ душѣ ученика. Трудно доказать и характеризовать то нравственное вліяніе, какое школа оказываетъ на родителей и ихъ дѣтей: нравственныя движенія — самыя могущественныя изъ всѣхъ движеній, происходящихъ въ душѣ человѣка, и въ то же время самыя тайныя, глубокія и, слѣдовательно, трудно уловимыя.

Развитіе въ учащихся совѣсти, справедливости и искренности—вотъ что, главнымъ образомъ, способно образовать тотъ характеръ, который будетъ «высшимъ началомъ духовной дѣятельности» (стр. 304): такъ авторъ «Московскаго Сборника» заканчиваетъ свою замѣчательную книгу.

«Самое правое чувство въ душѣ человѣческой «остается истиннымъ чувствомъ лишь дотолѣ, пока «держится въ свободѣ и охраняется простотою: «что просто, только то право. Но камень преткновенія «для всякаго простого чувства—это отраженіе въ само«сознаніи человѣка—это рефлексія. Чувство пріобрѣ«таетъ особенную силу, когда укрѣпляется въ душѣ «сознаніемъ, объединяется съ идеей; но тутъ же оно «подвергается опасности пережить себя въ идеѣ, поко«лебаться въ простотѣ своей. Случается, что чувство, «опираясь на идею и обобщаясь въ ней, разрѣшается «въ формулу сознанія—и въ ней выдыхается».

«Форма, какъ и буква, можетъ убить духъ живо«творный. Форма обманываетъ, потому что подъ формою незамѣтно развивается лицемѣріе, самообольщеніе человѣческаго «я»... (стр. 108).

Въ иныхъ мѣстахъ «Московскаго Сборника» мысль о томъ, какъ нравственное значеніе закона ослабляется и утрачивается въ безчисленномъ рядѣ формальностей, т. е. законныхъ статей и опредѣленій, уясняется разными фактами и примѣрами. Авторъ, какъ глубоко искренній человѣкъ, вооружается противъ формы, искусственности и фальши въ жизни. Въ нашей школьной практикѣ, людямъ, близко стоящимъ къ дѣлу, очевидна

вся эта фальшь и мертвящій формализмъ въ живомъ педагогическомъ дѣлѣ. Возьмите любую инструкцію для учащихся и вы увидите здѣсь разныя безцѣльныя правила и указанія; приглядитесь къ нашимъ благотворительнымъ обществамъ (напр. вспомоществованія нуждающимся ученикамъ) и вы невольно присоединитесь къ слѣдующимъ вполнѣ справедливымъ словамъ автора «Московскаго Сборника»: «Все учрежденіе по идеѣ посвящено любви и благотворительности, но при видѣ происходящихъ въ немъ явленій, нерѣдко спрашиваешь: гдѣ же обрѣтается тутъ мѣсто простому чувству любви сострадательной и дѣятельной?» (стр. 109).

V.

«Моя религія», говорилъ Ренанъ, «все та же— прогрессъ разума, т. е. науки» [4]); при этомъ онъ же добавляетъ, что успѣхи современныхъ наукъ односторонни: онѣ достигли только отрицанія или сомнѣнія въ самыхъ важнѣйшихъ вопросахъ, требующихъ разрѣшенія. Въ третьей, «послѣдней и лучшей части Борьбы съ Западомъ» Н. Страховъ, подобно Ренану, замѣчаетъ: «Послѣднюю половину нашего вѣка скорѣе можно назвать временемъ упадка наукъ, чѣмъ временемъ ихъ обновленія».... «Лучшіе годы лучшей молодежи тратятся на тщательное изученіе книгъ, не заключающихъ въ себѣ живой и плодотворной мысли, а только упорно развивающихъ какое-нибудь одностороннее ученіе» [5]). Сходясь во взглядахъ на значеніе и состояніе современнаго знанія съ покойнымъ Н. Страховымъ, авторъ «Московскаго Сборника» не одобряетъ многопредметности

---

[4]) Его книга: L'avenir de la Science написана Ренаномъ еще въ молодости въ 1849 г., но напечатана въ 1890 г.

[5]) «Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ» Н. Страхова, кн. 3, стр. 43.

въ учебныхъ программахъ и не придаетъ особой цѣны многознанію.

«Увлекшись мечтательною задачей всеобщаго про-«свѣщенія, мы назвали просвѣщеніемъ извѣстную сум-«му з н а н і й, предположивъ, что она пріобрѣтается «прохожденіемъ школьной программы, искусственно «скомпакованной кабинетными педагогами. Устроивъ «такимъ образомъ школу, мы отрѣзали ее отъ жизни «и задумали насильственно загонять въ нее дѣтей для «того, чтобы подвергать ихъ процессу умственнаго раз-«витія, по нашей программѣ». (стр. 69). Самое понятіе «о просвѣщеніи отождествилось въ умахъ нашей интел-«лигенціи съ к о л и ч е с т в о м ъ з н а н і й. Отсюда—рас-«ширеніе программъ «и высшаго и средняго и даже на-«чальнаго обученія, отсюда—полки наскоро навербован-«ныхъ безтолковыхъ учителей, приставленныхъ къ каж-«дой наукѣ для того, чтобы пустоты не было, отсюда—«формализмъ экзаменовъ и испытательныхъ комиссій.... «Результатъ всего этого жалкій—расположеніе мнимой «интеллигенціи, воображающей себя знающею, но ли-«шенной того, къ чему должно вести всякое знаніе, «то есть у м ѣ н ь я взяться за дѣло, дѣлать его добро-«совѣстно и искусно и поставить его интересомъ своей «жизни» (стр. 134).

Мысли о несоотвѣтствіи русской школы требованіямъ жизни часто высказывались лучшими изъ нашихъ публицистовъ. Припомнимъ напр. статью И. С. Аксакова: «Отношеніе между школой и жизнью въ Россіи». Указавъ на несоотвѣтствіе уровня школьнаго ученія съ общимъ уровнемъ цивилизаціи, И. С. Аксаковъ спрашиваетъ: «Какъ же сдѣлать, чтобы школьное воспитаніе принесло плодотворные посѣвы? Въ отвѣтъ на это онъ говоритъ: «Нужна воздѣланная исторіею почва, нуженъ преемственный духовный подвигъ цѣлыхъ поколѣній, нужны преданія умственнаго труда, умственной жизни.... Все это дѣлается само собой, естественнымъ образомъ; школа подвигаетъ за собою жизнь,—жизнь толкаетъ школу. И разлада между ними нѣтъ, какъ бы

высоко ни стояло образованіе, куда бы ни заходила личная свобода знанія» (Полн. Собр. Сочин. т. II, стр. 195) Развивая ту же мысль, Ѳ. М. Достоевскій въ своемъ «Дневникѣ» (1873 г.), замѣчаетъ, что деньгами можно надѣлать не только учителей, но и ученыхъ: «И что же? все-таки людей не надѣлаете! Что въ томъ, что онъ ученый, коли дѣла не смыслитъ? Педагогію онъ, напримѣръ, выучился и будетъ съ каѳедры отлично преподавать педагогію, а самъ все-таки педагогомъ не сдѣлается».

Послѣдователи гегеліанскаго ученія убѣждены, что отжившія, устарѣлыя формы жизни стряхиваются не вдругъ, а постепенно. По ихъ мнѣнію, всякая поспѣшность, всякій скачокъ въ этомъ дѣлѣ грозитъ задержкой развитію народной жизни. Такъ А. С. Хомяковъ, рисуя идеалъ воспитанія, замѣчаетъ объ англійской школѣ: «Странная земля! она какъ-то догадалась, что только то охранительно, что движется впередъ и только то прогрессивно, что не отрывается отъ прошедшаго». Извѣстно, что англійская система воспитанія совершенно разнится отъ всѣхъ другихъ. А. С. Хомяковъ припоминаетъ, что сказалъ прусскій король, любуясь Оксфоромъ: «Какъ все здѣсь ново, какъ все здѣсь старо»! [6]) Въ устройствѣ и въ направленіи воспитанія въ нашей русской школѣ авторъ «Московскаго Сборника» желалъ бы видѣть наибольшую устойчивость и послѣдовательность; по его мнѣнію, въ школѣ, больше чѣмъ гдѣ-нибудь, требуется осторожность въ прививкѣ новаго, съ которымъ легко можно внести въ школу мнимое или фальшивое и отрѣшенное отъ жизни знаніе (стр. 71). Указывая на ложное убѣжденіе просвѣтителей народа, что скоро начался бы золотой вѣкъ для человѣчества, если бы всѣ люди могли привести въ движеніе свою умственную силу, развить свое мышленіе и имъ руководствоваться въ жизни вмѣсто того, чтобы думать, чувствовать и жить по мнѣніямъ, принятымъ на вѣру (стр. 71—72), авторъ

---

[6]) Рус. Архивъ, 1896 г. кн. 4. стр. 600. «Два письма Пальмера къ А. С. Хомякову 1845 и 1853.

полагаетъ, что у этой задачи, предлагаемой просвѣтителями народа, есть и другая, оборотная и темная сторона, которую обыкновенно упускаютъ изъ виду. Нельзя возбудить въ каждомъ человѣкѣ мыслительную дѣятельность и поставить мнѣніе у каждаго человѣка въ зависимость отъ логическаго вывода.

«Въ дѣйствительной жизни (а не въ отвлеченной «теоріи) мы видимъ, что въ большей части случаевъ «невозможно довѣриться дѣйствію одной способно-«сти логическаго мышленія въ человѣкѣ; что «во всякомъ дѣлѣ жизни дѣйствительной мы болѣе по-«лагаемся на человѣка, который держится упорно и «безотчетно мнѣній, непосредственно принятыхъ и удо-«влетворяющихъ инстинктамъ и потребностямъ приро-«ды, нежели на того, кто способенъ измѣнять свои мнѣ-«нія по выводамъ своей логики, которые въ данную ми-«нуту представляются ему неоспоримымъ гласомъ разу-«ма. Въ такомъ расположеніи человѣку легко сдѣлаться «послушнымъ рабомъ всякаго разсужденія, на которое «онъ не умѣетъ въ данную минуту отвѣтить, сдавать-«ся безусловно, со всѣмъ своимъ міровоззрѣніемъ».... «(стр. 73). Стоитъ только признать силлогизмъ высшимъ «безусловнымъ мѣриломъ истины,—и жизнь дѣйстви-«тельная попадетъ въ рабство къ отвлеченной формулѣ «разсудочнаго мышленія».

Пламеннымъ желаніемъ автора «Московскаго Сборника» удержать русскую школу на твердомъ, устойчивомъ основаніи объясняется тотъ раздраженный тонъ его, когда мимоходомъ ему приходится упоминать о «школахъ, въ которыхъ учитель, покинувъ дѣтей, составляетъ рефераты о методахъ преподаванія и фразистыя рѣчи для публичныхъ засѣданій» (стр. 122);—о школѣ, когда, «при множествѣ учениковъ, учителей и предметовъ обученія, приходится пополнять ея кадры учителями неприготовленными и неспособными, учительствующими по ремеслу, ради хлѣба» (стр. 259—260);—о нашей страсти къ подражаніяхъ, къ перенесенію на свою почву тѣхъ учрежденій и формъ, которыя поража-

ютъ насъ заграницей внѣшнею стройностью» (стр. 212); о разведеніи по казенному лекалу школы и школьнаго учителя и пригибаніи подъ него потребностей быта дѣтей, родителей, самую природу и климатъ (стр. 68);— о школѣ, устроенной по фантазіи доктринеровъ и уподобляющейся канцеляріи со всею тяготой канцелярскаго производства (стр. 68—69).

Извѣстно, что въ 60-хъ годахъ въ нашихъ среднихъ школахъ заботились не о томъ, чтобы сообщать учащимся знанія, необходимыя для жизни и для успѣшнаго продолженія образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніямъ, а о томъ, чтобы «развивать учащихся», «возбуждать въ нихъ» «высокія чувства» и «идеальныя стремленія». Многіе изъ тогдашнихъ преподавателей не хотѣли знать, что молодое поколѣніе и безъ школы исполнено чувства чести и благородныхъ порывовъ. Наиболѣе ретивые изъ учителей 60-хъ годовъ, со всею энергіею и силою убѣжденія, отказавшись отъ прежнихъ рутинныхъ пріемовъ «заучиванія и зазубриванія», принялись развивать учениковъ сомнительными и сбивчивыми толкованіями разныхъ понятій, совсѣмъ не относящихся къ курсу преподаваемыхъ предметовъ. Вѣроятно, этотъ періодъ въ жизни русской школы имѣетъ въ виду авторъ «Московскаго Сборника», когда говоритъ:

«Всюду, всюду прожужжало слухъ ходячее слово: «развивать, развитіе, и уже тоска нападаетъ на «душу, когда оно произносится. Пора бы, кажется, «приняться за серьезную провѣрку понятія, которое въ «этомъ словѣ заключается; пора бы, вспомнить, что «этотъ терминъ: развитіе, не имѣетъ опредѣлительнаго смысла безъ связи съ другимъ терминомъ: сосредоточеніе. Пора бы обратиться за разъясненіемъ понятій къ общей матери и учительницѣ—природѣ. Отъ нея нетрудно научиться, что всякое развитіе «происходитъ изъ центра и безъ центра немыслимо,— «что ни одинъ цвѣтокъ не распустится изъ почки, и ни «въ одномъ цвѣткѣ не завяжется плодъ, если изсохнетъ центръ зиждительной силы образованія и обра-

«щенія соковъ. . Мы хотимъ механически раскрыть и «расправить лепестки грубою рукою прежде, нежели на«стала имъ пора раскрыться внутреннимъ дѣйствіемъ «природной силы,—и радуемся, и называемъ это разви«тіемъ: мы только уродуемъ почку, и раскрытые нами «лепестки засыхаютъ, безъ здороваго цвѣтенія, безъ на«дежды на плодъ здоровый! Не безумное ли это дѣ«ло? и не похоже ли оно на фантазію того ребенка въ «баснѣ, который думалъ чашкою вычерпать море».

«А сколько является отовсюду такихъ безумныхъ «ребятъ, такихъ непризванныхъ развивателей и учите«лей! Страсть ихъ къ развиванію доходитъ до фана«тизма, и нѣтъ такого глупца и невѣжды, который не «считалъ бы себя способнымъ развивать кого-нибудь. «Но пусть бы они одни носились съ своею неразумною «страстью: всего поразительнѣе то, что вмѣстѣ съ ними, «иногда вслѣдъ за ними, и люди, повидимому, разум«ные, люди серьезной мысли, точно околдованные вол«шебнымъ словомъ, ходячею монетою рынка, принима«ются повторять его, поддакивать ему, и на этомъ сло«вѣ, и на смутномъ понятіи, съ нимъ соединяемомъ, «строятъ цѣлыя системы образовательной и педагоги«ческой дѣятельности» (Стр. 131—132).

Раздраженіе автора «Московскаго Сборника» противъ ненавистнаго ему слова развитіе, которое будто бы прожужжало всюду—«на урокахъ гимназіи и народной школы», ни въ какомъ случаѣ не можетъ относиться къ нынѣшней средней школѣ: современныя гимназіи слѣдуетъ обвинять не въ томъ, что онѣ съ излишнимъ усердіемъ заботятся о развитіи умственныхъ способностей, а въ томъ, что онѣ задерживаютъ нормальное развитіе этихъ способностей, предлагая непосильный матеріалъ для запоминанія и не соразмѣряя его съ силами учащихся: въ гимназіяхъ заставляютъ изучать пять-шесть грамматикъ различныхъ языковъ... На это направлены непрерывные потоки обвиненій со стороны общества и періодической печати. Нынѣшняя средняя школа заслуживаетъ нареканій за

недостаточную подготовку въ отношеніи логическаго развитія учащихся, которое, по мнѣнію самого же автора «Московскаго Сборника», такъ необходимо въ практической жизни. Многолѣтняя и всесторонняя государственная его дѣятельность, обширная власть и ежедневное общеніе съ разнообразными по своему положенію людьми, убѣдили автора «Московскаго Сборника», что нынѣ недостаетъ общественныхъ дѣятелей, подготовленныхъ школой, которые направлялись бы «твердыми шагами», которые были бы «способны въ минуту сообразить все, что они знаютъ въ связи съ предметомъ рѣшенія дѣла». Автору, какъ опытному государственному человѣку, приходилось встрѣчать такихъ людей, вышедшихъ изъ школъ, которые безсильны въ ту минуту, «когда требуется рѣшеніе для дѣла или твердое слово въ совѣтѣ» [7]...

«Примѣчательно, съ какою легкостью нынѣ со-«здаются репутаціи, проходится, или, лучше сказать, «обходится воспитательная дисциплина школы .. Въ ре-«зультатѣ являются—люди молодые, но уже надломлен-«ные, искалѣченные, разбитые жизнью. Иные не выно-«сятъ тяготы своей и, подобно сосуду неравномѣрно «нагрѣтому, лопаются: въ нетерпѣніи, они оканчиваютъ «жизнь самоубійствомъ.... Другіе бродятъ по свѣту, «умножая собою число недовольныхъ, раздраженныхъ, «возмущенныхъ противъ жизни и общества: бѣда, если «ихъ накопится слишкомъ много, и откроются имъ слу-«чаи выместить свою злобу и удовлетворить свою по-«хоть».... (стр. 94—95).

Такія печальныя явленія въ жизни объясняются, по мнѣнію автора «Московскаго Сборника», тѣмъ, что «распространеніе знанія еще не есть единственное средство для улучшенія нравовъ и дѣятельности».... Вѣра въ безусловное нравственное дѣйствіе умственнаго образованія, опровергаемая фактами, есть не что иное, какъ предвзятое положеніе (a priori), натянутое до нелѣпости» (стр. 80).... «Характеръ несравненно важнѣе знанія.

[7]) Глава «Знаніе и дѣло», стр. 134—136.

Изъ всѣхъ цѣлей, которыя можетъ имѣть въ виду законодатель, распространяя знанія, самая важная—образованіе характеровъ въ народѣ и утвержденіе сознанія личной отвѣтственности каждаго» (стр. 85).

Такимъ образомъ, наука и многознаніе не могутъ замѣнить добро: «Неужели таблица умноженія, умѣнье слагать и вычитанье—усиливаютъ въ человѣкѣ силу сочувствія и удерживаютъ его отъ обиды ближнему?» спрашиваетъ авторъ «Московскаго Сборника». Задача школы воспитывать въ учащихся добрыя чувства и упражнять высшія ощущенія ихъ духа въ борьбѣ съ низшими, развивать наклонность къ переходу отъ чувства къ дѣйствію,—все это цѣнилось дороже, чѣмъ развитіе ума, и другими знаменитыми славянскими педагогами; однимъ изъ самыхъ горячихъ поборниковъ подобныхъ взглядовъ на задачу школы былъ Я. Амосъ Коменскій въ своей «Школѣ всемудрости».

VI.

Школа можетъ съ успѣхомъ выполнять свою задачу и идти впередъ въ своемъ развитіи, если она одушевляется нравственною силою руководителя, т. е. своего ближайшаго начальника. «Для всякой практической дѣятельности потребно искусство, оживляющее эту дѣятельность, а искусство пріобрѣтается трудомъ, разумнымъ и добросовѣстнымъ, для чего необходимо руководство»... «Во всякомъ учрежденіи есть дѣятели «старые; они составляютъ школу, въ которой поколѣніе «новыхъ дѣятелей пріучается къ искусству дѣла подъ «ихъ руководствомъ. «При этихъ условіяхъ учрежденіе «можетъ возрастать и совершенствоваться, имѣя предъ «собою открытые горизонты: есть чего ожидать и на«дѣяться, есть путь, куда идти впередъ. Но когда «учрежденіе нѣмѣетъ и мертвѣетъ, замыкаясь въ по«шлыхъ путяхъ текущей формальности, оно переста-

«етъ быть школою искусства, превращаясь въ машину «около коей смѣняются наемные работники. Горизонты «замыкаются, некуда смотрѣть, и нѣтъ стремленія и «движенія впередъ. Такова можетъ быть судьба новыхъ «учрежденій, разростающихся съ усложненіемъ обще «ственнаго и гражданскаго быта. Такою становится «школа, при множествѣ учениковъ, учителей и предме- «товъ обученія, когда приходится наполнять ея кадры «учителями не приготовленными и неспособными, учи- «тельствующими по ремеслу, ради хлѣба: духъ жизни «пропадаетъ въ ней, и она становится не способна образовать и воспитывать юное поколѣніе» (стр. 259—260).

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что всякое учрежденіе, а тѣмъ болѣе учебное заведеніе, должно держаться преданіями, —опытами своей прошлой жизни: при этомъ условіи легче «открываются горизонты и школа можетъ жить болѣе нормальною жизнію». Къ сожалѣнію, исторія нашей школы находится въ этомъ отношеніи въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ заграничныя учебныя заведенія, которыя развивались и улучшались въ теченіе столѣтій, выработали типъ учителей и директоровъ, имѣютъ твердые устои въ учебномъ строѣ и въ программахъ. Въ Германіи напр., директоръ является прежде всего руководителемъ всѣхъ наставниковъ; его педагогическія убѣжденія кладутъ печать на всю школу. Хотя тамъ директоръ и считается въ средѣ учителей какъ бы только «первымъ между равными», но его высокій образовательный и нравственный авторитетъ подчиняетъ всѣхъ и каждаго. Въ Германіи онъ вноситъ въ жизнь школы свое «я», почему въ глазахъ общества нѣкоторыя школы отождествляются съ именемъ почтеннаго начальника, и часто въ обыденномъ разговорѣ вмѣсто названія школы можно слышать фамилію директора. Оживленіе дѣла въ русскихъ школахъ должно зависѣть также отъ руководства лицъ, способныхъ своею нравственною силою возбуждать преподавателей къ дѣятельности. Этому можетъ способствовать то обстоятельство, если званіе учителя и вообще педагога пріобрѣ-

тетъ у насъ, въ Россіи, должное значеніе и справедливую оцѣнку своихъ заслугъ отъ нашего суетнаго общества и если правительство, для привлеченія къ учительскому труду людей способныхъ и широко образованныхъ, не пожалѣетъ средствъ на улучшеніе ихъ матеріальнаго положенія. Тѣ же мѣры, какія указываются авторомъ «Московскаго Сборника» къ возрастанію и совершенствованію разныхъ учрежденій (а въ числѣ ихъ и школы), имѣютъ характеръ скорѣе академическій, чѣмъ практическій. Вообще въ сужденіяхъ автора «Московскаго Сборника» о школѣ слышатся возвышенныя пожеланія, призывъ къ чувству и сердцу наставниковъ въ дѣлѣ воспитанія и обученія, сказывается одинъ изъ тѣхъ мыслителей-идеалистовъ, который говорилъ о нашей родинѣ:

Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить;
У ней особенная стать—
Въ Россію можно только вѣрить.

VII.

Разсмотрѣніе важнѣйшихъ вопросовъ русской жизни въ «Московскомъ Сборникѣ» увлекаетъ читателя мѣткимъ раскрытіемъ и анализомъ ложныхъ явленій въ наукѣ и въ обществѣ высокимъ и добрымъ чувствомъ, одухотворяющимъ и очищающимъ въ немъ патріотизмъ отъ всего низменнаго и фальшиваго. Эта поучительная и художественно изложенная книга по справедливости можетъ быть названа дорогимъ подаркомъ родителямъ и воспитателямъ отъ знаменитаго и умудреннаго опытами государственнаго человѣка въ день его полувѣковаго служенія Царю и Отечеству. Серьезный педагогическій дѣятель не забудетъ руководственныхъ указаній въ «Московскомъ Сборникѣ», а равно и исторія всегда будетъ помнить залуги автора, какъ государственнаго человѣка, оставившаго глубокій слѣдъ въ направленіи русской школы конца нынѣшняго вѣка.

Н. Н.

